

***На Кубани добрэ жыть: одын робэ, сим лэжыть*¹ (носители кубанских говоров о лени и ленивом человеке)**

Ольга Геннадиевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина²,
Кубанский государственный университет (Россия, Краснодар), ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725010017

аннотация: В статье рассматриваются языковые способы репрезентации представлений о лени в традиционной культуре кубанских казаков и не казачьего населения, проживающего на территории Краснодарского края. Объектом анализа являются единицы лексико-фразеологической системы кубанских говоров с южнорусской и украинской языковой основой. С опорой на фольклорную традицию констатируется двойственное отношение в казачьей среде к лени и категорически отрицательное — к ленивому человеку. Показывается сближение понятия «лень» в языковом сознании жителей Кубани как с понятиями «праздность», «пьянство», «бесхозяйственность», «пустословие», так и с понятием «богатство». Посредством анализа семантической структуры диалектных единиц и их внутренней формы, а также с опорой на высказывания носителей кубанских говоров реконструируется созданный ими словесный образ лентяя, отражающий стереотипные представления, единые для разных этносов. Показано, что этнокультурная специфика, раскрывающая особенности мироощущения кубанского

¹ Фрагмент частушки в названии статьи приведен в огласовке, характерной для носителей кубанских говоров с украинской языковой основой. Далее в статье иллюстративный материал подается в упрощенной орфографической записи с указанием места ударения, что позволяет отразить местные речевые особенности.

казачества, проявляется в создании локализмов (слов и фразеологизмов), своеобразии их внутренней формы, детализации процесса бездействия. На языковом материале говоров позднего образования подтверждается вывод о том, что положительный идеал — уважение к труду — воспитывается в традиционной казацкой культуре через неприятие и осмеяние лени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, традиционная казацкая культура, диалектная лексико-фразеологическая система, семантика, словесный образ лентяя

для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. *На Кубани добрѣ жить: одын робѣ, сим лѣжыть* (носители кубанских говоров о лени и ленивом человеке) // Русская речь. 2025. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611725010017.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Issues of Modern Russian Language

Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt' (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects on Laziness and Lazy People)

Olga G. Borisova¹, Lyudmila Yu. Kostina², Kuban State University (Russia, Krasnodar),
ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

ABSTRACT: The article examines linguistic means of representing laziness in traditional culture of the Kuban region Cossacks and non-Cossack population inhabiting territories of the Krasnodar region. The object for analysis are

units of the lexical-phraseological system of Kuban region sub-dialects with South Russian and Ukrainian language base. It establishes the ambivalent attitude towards laziness and point-blank negative attitude towards lazy people in the Cossack environment backed by folklore traditions and demonstrates similarities between the notion of “laziness” in linguistic consciousness of the Kuban region inhabitants as well as notions of “idleness”, “heavy drinking”, “diseconomy”, “meaningless blather”, and, interestingly, the notion of “wealth”. The paper reconstructs the established verbal image of a sluggard, which reflects stereotypical images common for various ethnicities, by means of analyzing the semantic structure of dialect units and their inner form, as well as relying on statements of the Kuban region sub-dialects speakers. The article demonstrates that the ethnocultural features, which reveal particular aspects of the Kuban region Cossacks’ world-view, manifest themselves in creation of localisms (words and phraseological units), in uniqueness of their inner form, in detailed elaboration of the idleness process. By means of language material from recently-formed sub-dialects, it proves the conclusion that the positive ideal, i. e. respect for labor, is cultivated within the traditional Cossack culture by way of rejection and mockery of laziness.

KEYWORDS: Kuban region sub-dialects, traditional Cossack culture, dialect lexical-phraseological system, semantics, verbal image of a sluggard

FOR CITATION: Borisova O. G., Kostina L. Yu. *Na Kubani dobre zhyt': odyn robe, sim lezhyt'* (Speakers of Kuban Region Sub-Dialects on Laziness and Lazy People). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611725010017.

ACKNOWLEDGEMENT: The research was carried out with the financial support of the Kuban Scientific Foundation as part of the project No. 24-28-2008. The research was carried out using a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Знакомство с диалектным языковым материалом предполагает наличие у читателя общего представления о языковой ситуации, сложившейся в регионе. В данной статье рассматриваются лексические единицы, функционирующие в кубанских говорах (далее — КГ). Поясним: в современном состоянии эти говоры представляют собой оригинальный идиом смешанного типа с русско-украинской языковой основой, имеющий

заметные различия на фонетическом и грамматическом уровнях и обладающий значительным единством лексико-фразеологического состава, что проявляется в наличии общекубанского лексико-фразеологического пласта — слов и фразеологизмов, функционирующих в КГ как с южнорусской, так и с украинской языковой основой. Объединение двух лексико-фразеологических систем в единую макросистему основывается на концепции Р. И. Аванесова, в которой диалектный язык определяется как сложная система диалектных микросистем, предполагающих варьирование общих и различительных признаков [Аванесов 1964: 11]. Такое понимание диалектного языка «позволяет говорить не об общности и различии лексико-фразеологических систем КГ с украинской языковой основой и КГ с южнорусской языковой основой, а о вариативности русского диалектного языка, составной частью которого они являются» [Борисова 2019: 269].

Обозначенный подход к типологической характеристике кубанского диалекта объясняет правомерность рассмотрения в данной статье лексики и фразеологии в рамках единой макросистемы. В названии статьи приводятся строчки широко известной в Краснодарском крае частушки, в которой со свойственной носителям КГ самоиронией выражается негативное отношение к нежеланию трудиться: *На Куба'ни до'брэ жыть: оды'н ро'бэ, сим лэжы'ть. А як со'нцэ прыпыче', и послы'дний утиче'.* Отметим, что в речи местных жителей чаще употребляется только первое предложение, функционирующее как поговорка. С приведенной частушкой перекликается и другая: *На работу болят пятки, а с работы без оглядки.* Между тем в крае бытует и такая поговорка: *Мешай труд с бездельем — проживёшь свой век с весельем*, в которой лень воспринимается как необходимый человеку отдых от тяжелого сельского труда. В приведенных поговорках отражается неоднозначное отношение к лени, свойственное русской народной культуре в целом. Эта идея детально раскрывается в монографии М. А. Ереминой «Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции» [Еремина 2014]. Ср. *Лень-матушка* и *Лень — мать всех пороков*. У такой двойственности есть рациональное объяснение. Народному сознанию свойственна абсолютная функциональность. Именно с позиции функциональности лень, с одной стороны, воспринимается негативно, поскольку «входит в противоречие с принципами выживаемости, коллективности» [Вендина 2020: 188], с другой стороны, позитивно — как оберегающий защитный механизм, сохраняющий жизненную силу, способность к трудовой деятельности.

При этом оценка ленивого, бездельного человека, как демонстрирует анализ лексико-фразеологического состава КГ, однозначно отрицательная. Ироническое, презрительное, уничижительное отношение

к лентяям находит отражение в беседах с информантами, записанных во время диалектологических экспедиций. См., напр.: *Тако'й лутя'ка, што хлеп ис-пад но'су ни вазьмёт: ру'ку жаль тину'ть* (ст-ца Отважная). *А у колхо'зи так було': повыхо'дють у стэ'п — я куха'ркой була' — гляжу'²: как за'фтракать — бога'то ми'ру, а пото'м похова'ющя и спля'ть* (ст-ца Старомышастовская). *Вин ще тот лутаи'ще! Ёго ны нахы'лыш: вин ныко'лы нэ роботы'в и ны бу'дэ роботы'ть* (ст-ца Старотитаровская).

В лексико-фразеологической макросистеме КГ представлена яркая палитра языковых средств, репрезентирующих представления о лени и безделье в традиционной культуре кубанского казачества³. Наряду с общенародным *лень* в КГ зафиксировано слово *ленцо'* (ср. в литературном языке *ленца* 'разг. некоторая склонность к лени' [Евгеньева (ред.) 1986: 175]): *Ма'ма рабо'тала дэнь и ничь, а тётка, та с линцо'м была'* (пос. Парковый). Данный диалектизм в местных говорах функционирует, как правило, в составе фразеологизма-словоформы *с ленцо'м*. Обращает на себя внимание отнесенность диалектного слова к среднему роду, что, наряду с формой субъективной оценки, подчеркивает экспрессивно-сниженную окраску лексемы (ср. *лень* (ж. р.) — *ленцо'* (ср. р.) / *дрянь* (ж. р.) — *уничиж. дрянцо* (ср. р.) [Бархударов (ред.) 1954: 1141]).

Ироничную, презрительную эмоционально-оценочную характеристику имеют диалектные глаголы с интегральным семантическим компонентом 'бездельничать'. Глаголы с данной семантикой входят в ядро практически любого национального языка, в том числе его территориальных разновидностей, представляя собой в русских народных говорах объемное словарное объединение. Многочисленны и диалектные глагольные фразеологизмы с общим значением 'бездельничать'. При этом языковое сознание диалектоносителей стремится детализировать процесс бездействия, конкретизируя общее (интегральное) значение частными (дифференциальными) компонентами, что позволяет выделить в КГ десять групп лексических единиц (далее — ЛЕ), многие из которых образуют синонимические ряды различной протяженности:

1. ЛЕ со значением 'бездельничать, ничего не делать': *багла'йничать, байдакува'ть, байба'чить, леда'чить, лодырёва'ть, холодова'ть*⁴. К данной группе относятся два фразеологизма, равные по структуре двусоставному

² Для КГ характерно произношение фрикативного заднеязычного звонкого согласного, однако в статье этот звук передается буквой Г.

³ Анализируемые диалектные слова и фразеологизмы отбирались из «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [Борисова 2018].

⁴ Здесь и далее диалектные ЛЕ, отобранные из лексикографических изданий, подаются в их канонической (орфографической) форме, в которой они представлены в словарях.

предложению, — *багла'й у гу'зно зали'з и багла'и'⁵ напа'ли* ‘лень нашла’. Словарь Б. Д. Гринченко, отражающий лексический состав украинского языка начала XX века, фиксирует существительное *багла'й* как моносемант (слово, имеющее одно значение) — ‘лень’ [Гринченко 1958а: 2]. В данном значении на Кубани слово употребляется исключительно в составе фразеологизмов, при этом ЛЕ *гу'зно* ‘ягодница’ функционирует в КГ и в свободном значении. Широкий ареал в КГ с украинской языковой основой имеет глагол *леда'чить*, вошедший в них из материнского языка (ср. *ледачить* [Білодід (ред.) 1973: 467]). Производящей базой собственно диалектного глагола *байба'чить* выступает существительное *байба'к* ‘неповоротливый, ленивый и глуповатый человек’ [Филин (ред.) 1966: 52]. В литературном языке лексема в этом значении квалифицируется как разговорная (помета *разг.* [Евгеньева (ред.) 1985: 55]). Переносное значение развилось на базе прямого (‘1. Крупный степной грызун из рода сурков, осень и зиму проводящий в спячке’ [Евгеньева (ред.) 1985: 55]) по продуктивной в русском языке метафорической модели *животное* → *человек*. К локализмам относится глагол *охму'р'яться*. В СРНГ лексема снабжена географическими пометами, указывающими на его функционирование в Усть-Лабинском районе Краснодарского края [Сороколетов (ред.) 1990: 40]. Внутреннюю форму кубанского глагола можно связать с зафиксированными в южнорусских (орловских) говорах диалектными структурными вариантами *охму'р*, *охму'рь* ‘столбняк [состояние неподвижности, оцепенения?]’ [Сороколетов (ред.) 1990: 40–41]. Глагол *холодова'ть* (ср. с лит. *прохлаждаться*) означает также ‘1) испытывать холод; 2) отдыхать в холодке’. Значение ‘бездельничать’ — результат метафорического переноса на базе второго.

2. ЛЕ со значением ‘бездельничать, занимаясь бесполезной, не приносящей ощутимых результатов деятельностью’. В основе фразеологизмов этой группы лежат либо реальные, либо нереальные дискурсивные ситуации. Так, прототипом таких устойчивых выражений, как *лягу'шек бить*, *глаза' лягу'шкам выковы'ривать / выши'ривать*, *соба'к дразни'ть / драчува'ть*, *горобця'м ду'ли круты'ть / дава'ть*, *гав ловы'(и')ть*, *мух ловы'(и')ть*, выступают правдоподобные действия человека (обычно — мальчишек). Алогичные действия отражаются в следующих фразеологизмах: *ба'йдыки / га'йдуки бы(и)ть*, *на соба'ках шерсть бы(и)ть*, *из говна' я'годки выбира'ть*, *на соба'к га'вкать*, *быка'м хвосты' круты'ть*, *вы'трешки ловы'(и')ть*, *зевака' ловы'(и')ть*, *соба'кам си'(е')но косы'(и')ть*, *шалapo'вку отбива'ть*, *перепола'чивать ве'тер*, *рядно' тяга'ть круго'м ха'ты*, *шука'ть вче'ра'шнего дня*. Повышенный эмоциональный тонус

⁵ Здесь и далее таким образом показано вариативное ударение в слове.

фразеологических сочетаний обусловлен отсутствием здравого смысла в действиях, выраженных глаголом. Компонентом отдельных фразеологизмов выступают диалектизмы, бытующие в КГ и в свободном значении (*горобе'ц(ь)* 'воробей', *вы'трешки* 'груб. глаза', *га'ва* 'ворона', *дратува'ть* 'дразнить', *переполо'чивать* 'разгребая, перевёртывать', *рядно'* 'грубое полотно', *шука'ть* 'искать'). В качестве угрозы ленивому ученику используются выражения: *будеши ты свиной пасть*, *будеши ты быкам хвосты крути(ы)ть*, т. е. будешь выполнять грязную, непрестижную работу.

3. ЛЕ со значением 'бездельничать, бродить, слоняться, шататься без дела': *лы'ндать*, *матуси'ть*, *межедво'рить*, *огина'ться*, *сновыга'ть*, *тыня'ться*, *шала'ться*. Все лексемы пришли в КГ из материнских говоров. У диалектоносителей бесцельная ходьба устойчиво ассоциируется с бездельем. Таким образом, есть основание констатировать, что значение 'бездельничать' у локализмов *бард(т)ижа'ть* ('1) скитаться, подолгу отсутствовать'), *босячкова'ть* ('1) ходить босиком'; 2) бродяжничать'), *зы'каться* ('1) отбиваться от оводов (от *зык* 'овод'); 2) бегать') появилось в результате метафорического переосмысления. Стереотипизированная ситуация «хождение без дела» конкретизируется в таких устойчивых выражениях, как *горобци'в гоня'ть* 'болтаться без дела по улице', *хо'дить с кутка' в куток* 'слоняться без дела из угла в угол', *ла'зить по ха'ткам*, *счита'ть чужи'е дворы'* 'ходить по знакомым, забросив домашние дела'.

4. ЛЕ со значением 'бездельничать, принимая позу, в которой невозможно ничем заниматься': поза лежа — *лежебо'чить*, *но'ги в(у) потоло'к*; поза сидя — *ла'вочку полирава'ть*, *глаза' продава'ть* (о том, кто сидит на лавочке без дела), *сиде'ть сто'рожем*, *сы(и)д(и')е'ть як на по'кути* (*по'куть* 'передний угол в доме, место под иконами').

5. ЛЕ со значением 'бездельничать, вести праздный образ жизни': *гу'льки справля'ть*. В языковом сознании носителей КГ сближаются понятия «праздность», «пьянство» и «лень». У выражения *води'(ы')ть журавля'*, имеющего обрядовое значение 'ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы, много шутить, петь песню «Таки'й, таки'й жураве'ль» и славить молодую после брачной ночи', развилось второе — 'пьянствовать, забросив все дела' [Чалов 1981: 172–173]. Развитие значения 'бездельничать' у фразеологизма *обраста'ть жи'ром / жирко'м* (первое 'богатеть') вызвано существующей в казачьей среде ассоциацией лени с богатством.

6. ЛЕ со значением 'бездельничать, пустословить, трата время на пустую болтовню': *справля'ть ги-гы / ля-ля*, *хло'пать языко'м* 'бездельничать' и др. Безделье часто сопровождается пустой болтовней, что отражается в пословицах и поговорках. См., напр.: *У бре[ы/э]хуна' и ди'ло стои'т(ь);*

Бре[ы/э]ха'ть не[ы/э] цэпо'м маха'ть. Очевидная пейоративность (неодобрительная, уничижительная оценочность) приведенных ЛЕ обусловлена тем, что сельские жители не одобряют пустые разговоры, отнимающие время у работы по хозяйству.

7. ЛЕ со значением 'бездельничать из-за отсутствия желания что-л. делать' немногочисленны. В их составе слово *рука* реализует символическое значение 'деятельность', обусловленное функцией этой части тела. Устойчивое выражение *ру'ки / ру'чки ве'ром* содержит дополнительный семантический компонент 'демонстративно'. Во фразеологизме *и за холо'дную во'ду не бра'ться* соматизм *рука* представлен имплицитно, его отсутствие обусловлено избыточностью семантики стержневого глагола.

8. ЛЕ со значением 'бездельничать, уваливать от работы, отлынивать': *манивца'мы ходы'ть* (ср. свободное словосочетание *манивца'мы ходы'ть* 'ходить окольными путями').

9. ЛЕ со значением 'бездельничать, создавать видимость работы': *дым в глаза' пуска'ть*.

10. ЛЕ со значением 'бездельничать, скучать, томиться, изнывать от безделья': *нудьгова'ться* (ср. с *нудьгува'ти* 'тосковать, скучать, томиться' [Гринченко 1958б: 572]; в русском литературном языке функционирует глагольная лексема *ну'диться*, второе значение которой аналогично диалектному [Евгеньева (ред.) 1986: 514]).

Ленивого человека характеризуют и диалектные имена прилагательные: *ле[ы/э]да'чий, ле[ы/э]да'щий, лука'вый, ло'дырный, лодырю'чий, луткова'тый*. За счет суффиксов (-ЮЧ(ИЙ), -(К)ОВАТ(ЫЙ)) признак лени раскрывается как динамическое качество, проявление которого возможно в разной степени.

В активном словаре у носителей КГ с украинской языковой основой находится обладающее пейоративной окраской отглагольное прилагательное *невы'робленный* (ср. антоним *вы'робленный*). Зарегистрированные высказывания информантов позволяют выделить у него два значения. В первом ЛЕ номинирует полного сил человека, не занимающегося тяжелым физическим трудом: *У'парька* (прозвище О. Н. Упарь — заведующей местным музеем) *нывы'роблена: сыды'ть в музе'и, ныч'ёго ны ди'лае. Ото' вона' и така' красы'ва, шо нывы'роблена* (ст-ца Старотитаровская). В языковом сознании сельского человека, проживающего на Кубани, умственный труд не сравним с физическим по степени тяжести и интенсивности. Во втором значении слово характеризует того, кто вообще никогда не работал: *Ана'нывы'раблинная, сро'ду нигде' ни рабо'тала* (ст-ца Архангельская).

Широко бытуют в КГ существительные, называющие человека по его отношению к труду, среди которых значительно преобладают номинации лентяев. Так, в КГ зарегистрированы следующие ЛЕ со значением

‘ленивая женщина’: *лежебо‘чиха, ло‘ды(а)рька, лутя‘чка, ля‘гва, ля‘да, нераде‘лка*. Узколокальным (ст-ца Кубанская) является указанное значение у общенародного слова *балери‘на*. Аналогичная ироническая окраска и у фразеологизма *хозя‘йка на всю кро‘вать, аж до до‘лу*, записанного в ст-це Старотитаровской. В его основе лежит следующий визуальный образ: ленивая женщина постоянно лежит или спит, поэтому сетка кровати растянулась и касается пола (*до‘ла*). Выражение *и тка‘ла, и пря‘ла, и кру‘жева вяза‘ла* — всё языко‘м относится к женщине, которая много времени проводит за разговорами, забывая о насущных делах.

Разнообразны номинации ленивого мужчины: *багла‘й, лут, лута‘й, лутя‘га, лутя‘ка, лутаи‘ще, лыда‘ч, холодо‘вник, легкопа‘р* (ср. у В. И. Даля *легкопа‘шня* ‘ленивый пахарь’ [Филин (ред.) 1980: 313]), *нахле‘бник, наше‘йник*.

К локализмам относятся диалектные структурные варианты *лут, лута‘й, лутя‘га, лутя‘ка, лутаи‘ще*, демонстрирующие экспрессивно-смысловую градуальность за счет словообразовательного форманта. В СРНГ *лут* отмечен в двух значениях: ‘1. Лыко, кора липы. 2. Ободранная липа, палка без коры’ [Филин (ред.) 1981: 206]. В значении ‘лыко’ слово зарегистрировано и в украинском языке [Гринченко 1958а: 383]. На Кубани в Темрюкском районе функционирует ЛЕ *лыко/ысе‘ся* ‘неповоротливый, медлительный, ленивый человек’. П. Ткаченко приводит ее без указания географии со значением ‘неумелая, неряшливая женщина’ [Ткаченко 1998: 160]. Представляется, что ЛЕ *лут, лута‘й, лутя‘га, лутя‘ка, лутаи‘ще* и *лыко/ысе‘ся* могут иметь тождественную образную основу. Примеры перехода значения ‘дерево’ ~ ‘человек’ достаточно распространены, см. [Фасмер 1996а: 102]. В русских говорах функционируют лексемы *лы‘ка* ‘лыко’, *лы‘ка‘с* ‘лентяй’, *лы‘касить* ‘лентяйничать, лоботрясничать’ [Филин (ред.) 1981: 220]. Другую версию находим у В. И. Даля, фиксирующего ЛЕ *лыкась* ‘бирюк, овчар, серый волк’ с пометой *от греч. lycos?*, а также глагол *лыкасить* ‘шататься, слоняться’. В. И. Даль связывает *лыкасить* с *лытать* ‘шататься’, от которого *лытась* ‘шатун, лентяй, потаскун’ [Даль 1989: 276].

С единственной ареальной пометой *юго-вост. Кубани* в СРНГ приводится лексема *нахле‘бник* ‘лодырь, бездельник; дармояд’ [Филин (ред.) 1985: 260], которая в диссертационном исследовании М. Н. Шабалина квалифицируется как инновация советского периода с пометой *нов*. [Шабалин 1952].

Локализмом является слово *рассланда‘й* ‘1. Растяпа. 2. Лодырь’, которое снабжено в СРНГ географической пометой *юго-вост. Кубани* [Сороколетов (ред.) 2000: 212]. Можно предположить его двоякую мотивацию. Во-первых, у лексемы выделяется корень СЛАН-, ср. *слать, слань* ‘все, что

постлано, подстилка' [Даль 1991: 218]. При такой трактовке внутренняя форма слова связана с лежанием, которое, в свою очередь, ассоциируется с бездельем. Во-вторых, допустима связь диалектного существительного с глаголом *слоняться* 'ходить, бродить взад и вперед, обычно без цели, без дела' [Евгеньева (ред.) 1988: 143]. Приставка РАС- актуализирует значение большей интенсивности признака. Единственную географическую помету в СРНГ *Усть-Лабин., Краснодар* имеет сложное существительное *легкобы'тник* [Филин (ред.) 1980: 312], в значении которого, помимо семы 'бездельник', присутствует семантический компонент 'любитель легкой жизни', обусловленный словообразовательной структурой лексемы: *Адни' лихкабы'тники у пивно'й сидя'ть* (ст-ца Кирпильская).

Многослойной семантикой обладают локальные ЛЕ *долба'к, на'долбень* 'дурак, пустомеля, бездельник'. В ст-це Новолабинской, говор которой имеет южнорусскую языковую основу, в значении 'лентяй' записано существительное *тылага'й* (гласный звук [ы] во втором предупредном слоге — результат редукции). С аналогичным толкованием в донских говорах функционирует структурный вариант *талага'й* [Дегтярев, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003: 523]. В словаре В. И. Даля у лексемы *талага'й* зафиксированы несколько значений: 'лентяй, шатун, тунеяд; большой болван, неуч, невежа; *Вор. бран.* однодворец; вообще сторонний, чужой мужик, отличаемый по одеже; *Смб.* мордовская женская верхняя рубаха' [Даль 1991: 388]. М. Фасмер, в отличие от В. И. Даля, приводит два омонима: *талага'й 1* 'мордовская женская верхняя рубашка' и *талага'й 2*, имеющий четыре значения, три из которых — прозвища: '1) прозвище воронежских старожилов у новоселов, 2) однодворцы в [бывшей] Воронежской губернии, 3) прозвище жителей Хворостани, [бывшей] Воронежской губернии'; четвертое — 'болван' [Фасмер 1996б: 14]. М. Фасмер высказывает предположение о происхождении второго омонима от названия одежды *талага'й 1* тюркского происхождения, то есть признает омонимы гомотенными и считает менее вероятным объяснение Д. К. Зеленина: *талага'й* — «неразборчиво говорящий» (от *талалакать*), см. [Фасмер 1996б: 14]. Между тем представляется, что точка зрения Д. К. Зеленина небезосновательна, поскольку в языковом сознании носителей диалекта лень обнаруживает связь с речевыми характеристиками, устойчиво ассоциируясь с пустословием, что приводит к сосуществованию в семантической структуре ЛЕ таких семантических компонентов, как 'ленивый' и 'болтливый'. См., напр., в КГ существительное *шабо'лда* 'болтун, врун, бездельник'.

Бездельника в КГ номинируют и существительные, относящиеся к категории общего рода: *бы'дло (бран.), ледацю'га, лентяю'га, лодарю'га, лодырю'ка, лодыря'ка, межедво'рка*. Значение 'белоручка, неженка' репре-

зентируют существительное *ца'ца* и локальный фразеологизм *па'н(ь)ского ро'ду*, в котором актуализируется социальный стереотип: в сознании носителей КГ богатые люди (*паны*) вели праздный образ жизни за счет наемных работников. Разнообразны фразеологические единицы, номинирующие медлительного, ленивого, нерасторопного человека: *хоть под за'д кипятку' лей, ны живы'й ны ме'ртвый, коплы'вый як черепа'ха, трём сви'ням йи'сты не разди'лэ*. В значении 'быть нерасторопным, ленивым мужчиной' зафиксирован фразеологизм *ходы'ть и на мотню' наступа'ть*. Вялую работу характеризуют устойчивые сравнения *как / як мо'крое гори'т(ь), как / як мёртвый ды'шит(ь)*.

В народном сознании подростки, не помогающие родителям по хозяйству, — антинорма. В ст-це Бородинской записан локализм *лоба'нь* 'крепкий, здоровый, но ленивый подросток', мотивированный существительным *лоб* в просторечном значении '2. пренебр. О подростках, ставших большими, взрослыми детьми' [Евгеньева (ред.) 1986: 261].

Образ лентяя у диалектоносителей вызывает устойчивые ассоциации с бесхозяйственностью. В активном словаре станичников находится прилагательное *нехозя'йливый*, представляющее собой словообразовательный вариант общенародного прилагательного *бесхозяйственный*. Значение 'не держать хозяйство: огород и домашних животных' актуализирует образованный на базе свободного словосочетания фразеологизм *жить городско'й жи'знью: Щас мэ'нэ сын огороди'л от всэ'го. Я гороцко'й жы'знью живу'. У мэ'нэ да'жэ ни ки'шки, ни соба'ки нема'* (ст-ца Старомышастовская).

Двор без огорода, сада, домашних животных, требующих каждодневного ухода, приложения сил, называют на Кубани *пустой двор*. Образная основа фразеологизма подчеркивает обесценивание жизни сельского человека без домашнего хозяйства, наличие которого определяет его социальный статус, является залогом обеспеченности и достатка. В большинстве своем современные жители Кубани имеют подсобные хозяйства. Однако следует признать, что зачастую современная сельская молодежь *не де'ржится за зе'млю* (ср. *держа'ться за зе'млю* 'крестьянствовать, жить, трудиться в сельской местности' [Чалов 1981: 142]), многие уезжают в город и, даже если остаются в станице, не желают заниматься сельским трудом. Все это приводит к неизбежному размыванию традиционного уклада старшего поколения, жизнь которого неразрывно связана с постоянной работой на земле. Приведем показательные высказывания информантов: *Пусты'е агаро'ды стая'т. Да казу' привижи', и хай пасэ'ца. И сваё малако' бу'дит, скати'нка ва дваре'. Эта ш фсё каза'чье. Быт каза'чий како'й? Шоп скаты'ны не' была ва дваре'?! А щас пти'цу и то ни фсе де'ржат* (пос. Ахтырский). *А щас, поды'вышя: молодёш робы'ть нэ*

хо́че, вси ти́ко би́зьнисом бы занима́лись (хут. Братковский). *Гаро́ды щас пабраса́тыи, а ра́ньше гаро́т бро́сиш — здо́хнеш* (ст-ца Зассовская). *Тут одни́ шкорбо́вки живу́ть — пинсионе́ры. Молодёш уся́ в го́роди, а до на́с никако́го внима́ния* (ст-ца Отрадная Тихорецкого района).

Представленный языковой материал свидетельствует о разнообразии языковых способов репрезентации представлений о лени в КГ. Пейоративная окраска ЛЕ демонстрирует характерное для традиционной культуры утверждение положительного идеала — уважения к труду и человеку труда — посредством осуждения безделья и насмешки над ним. Созданный носителями КГ словесный образ лентяя, за которым закрепляются дополнительные ярлыки пьяницы, болтуна, дурака, гуляки, белоручки и др., отражает стереотипные представления, единые для разных этносов. Этнокультурная специфика, раскрывающая особенности мироощущения кубанского казачества, проявляется в создании локализмов (слов и фразеологизмов), своеобразии их внутренней формы, детализации процесса бездействия. Носители КГ, воспринимая ленивого человека как антинорму, демонстрируют доминирование нормативного мышления, что находит воплощение в сформулированной народом нравственно-этической аксиоме *лу́чше рабо́тать, чем ле[ы/э]да́чить*.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 779 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 683 с.

Литература

- Аванесов Р. И.* Введение // Русская диалектология. М.: Наука, 1964. С. 7–28.
- Бархударов С. Г.* (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 3. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 700 с.
- Білодід І. К.* (ред.). Словник української мови: в 11 т. Т. 4. Київ: Наукова думка, 1973. 840 с.
- Борисова О. Г.* Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и ее реализация: дис. ... д-ра филол. наук / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2019. 633 с.
- Борисова О. Г.* Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
- Вендина Т. И.* Антропология диалектного слова. М.–СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
- Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 1. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958а. 494 с.; Т. 2. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958б. 573 с.

- Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н., Сердюкова О. К. Большой толковый словарь донского казачества. М.: ООО «Русские словари», ООО «Астрель», ООО «АСТ», 2003. 608 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.; Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
- Еремина М. А. Лени и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 204 с.
- Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л.: Наука, 1990. 353 с.; Вып. 34. СПб.: Наука, 2000. 369 с.
- Ткаченко П. И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2008. 288 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996а. 576 с.; Т. 4. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996б. 864 с.
- Филин Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.–Л.: Наука, 1966. 317 с.; Вып. 16. Л.: Наука, 1980. 376 с.; Вып. 17. Л.: Наука, 1981. 384 с.; Вып. 20. Л.: Наука, 1985. 376 с.
- Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. ... канд. филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1981. 292 с.
- Шабалин М. Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани (к вопросу о взаимодействии близкородственных языков): дис. ... канд. филол. наук / АН СССР Ин-т языкознания. М., 1952. 474 с.

References

- Avanesov R. I. [Introduction]. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 7–28. (In Russ.)
- Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vols. Vol. 3. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1954. 700 p.
- Bilodid I. K. (ed.). *Slovník ukraїns'koї movy* [Dictionary of Ukrainian]. In 11 vols. Vol. 4. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1973. 840 p.
- Borisova O. G. *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya*. Diss. dokt. filol. nauk [Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macro-system: a model and its implementation. Dr. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2019. 633 p.
- Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [Experience of the dictionary of the Kuban dialects]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2018. 485 p.
- Chalov V. P. *Istoriko-lingvisticheskii ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchii ego istoriyu, voennyy byt i dukhovnyy kul'turu*. Diss. kand. filol. nauk [Historical and

- linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1981. 292 p.
- Deptyarev V. I., Kudryashova R. I., Protsenko B. N., Serdyukova O. K. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, OOO "Russkie slovari", OOO "Astrel", OOO "AST" Publ., 2003. 608 p.
- Eremina M. A. *Len' i trudolyubie v zerkale russkoi yazykovoi tradicii* [Laziness and diligence in the mirror of the Russian language tradition]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk St. Univ. Publ., 2014. 204 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 696 p.; Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 736 p.; Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 800 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. In 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Azbuka Publ.; Moscow, Publ. Center "Terra", 1996a. 576 p.; Vol. 4. St. Petersburg, Azbuka Publ.; Moscow, Publ. Center "Terra", 1996b. 864 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 2. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966. 317 p.; Iss. 16. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1980. 376 p.; Iss. 17. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1981. 384 p.; Iss. 20. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1985. 376 p.
- Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. In 4 vols. Vol. 1. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958a. 494 p.; Vol. 2. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958b. 573 p.
- Shabalin M. N. *Russkie govory na yugo-vostoke Kubani (k voprosu o vzaimodeistvii blizkorodstvennykh yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [Russian dialects in the south-east of Kuban (on the issue of the interaction of closely related languages). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1952. 474 p.
- Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 25. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 353 p.; Iss. 34. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000. 369 p.
- Tkachenko P. I. *Kubanskii govor. Opyt avtorskogo slovaryia* [The Kuban dialect. The experience of the author's dictionary]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2008. 288 p.
- Vendina T. I. *Antropologiya dialektного slova* [The Anthropology of the dialect word]. Moscow–St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 684 p.